

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ЕКАТЕРИНЫ II В НАЧАЛЕ ЕЁ ЦАРСТВОВАНИЯ

© 2008 М.Е.Лупанова

Рязанский государственный университет им. С.Есенина

В статье рассматривается отношение вступившей на престол в 1762 году Екатерины II к польской проблеме, волновавшей российскую дипломатию на протяжении последнего столетия, а также первые внешнеполитические действия молодой императрицы в Польше.

Польский вопрос всегда беспокоил Россию, и не только её. С XVII века большинство европейских стран рассматривали Польшу как поле своей деятельности или зону влияния. С тех пор, как Украина в 1654 году воссоединилась с Россией, и польское влияние перестало беспокоить Петербург, возникла новая проблема, и все русские монархи были ею озабочены. У них было ощущение, что их обманули, поскольку часть Украины и Белоруссии осталась под польским владычеством. Петр Великий и все его последователи стремились сделать так, чтобы эти территории отошли к России, но из опасения реакции европейских держав долго соблюдали осторожность. В 1697 году Петр I сумел возвести на польский трон преданного ему монарха – Августа Саксонского, правившего под именем Августа I и прозванного Сильным. Но в 1706 году шведский король Карл XII устранил его и заменил своим кандидатом – Станиславом Лещинским, которого поддерживала Варшавская конфедерация. Победа под Полтавой позволила Петру вновь посадить на польский трон Августа I, что лишь усилило его зависимость от России. Август II, который сменил его на троне в 1733 году и был королем, когда Екатерина стала императрицей, тоже в значительной степени был обязан своим положением русской поддержке. В 1763 году Август II умер, и Екатерина сделала вывод, что ей предстоит решать вопрос о следующем правителе.

В XIX веке, в силу высокой актуальности польского вопроса, в Европе развернулось интенсивное научное изучение данной проблемы. Особый интерес при подготовке нашей работы представляла "История России с древнейших времен" С.М.Соловьева [1]. Значение этого монументального труда для современных исследователей обусловлено тем, что из огромного количества архивных источников, введенных в текст, им отобраны наиболее значимые, причем для их цитирования характерна высокая археографическая культура. Описание С.М.Соловьевым царствования Екатерины II

доведено в его "Истории" только до 1774 года, хотя к 29 тому (книга XV) приложен "Обзор дипломатических сношений русского двора от Кючук-Кайнарджийского мира по 1780 год" [2]. Предыстория и ход первого раздела Польши изложены С.М.Соловьевым в контексте подробной характеристики внешней политики Екатерины II в первую половину ее царствования. Эта характеристика, согласно которой Екатерина по праву предстает продолжательницей дела великого преобразователя России, оказала огромное влияние на весь ход последующих исследований екатерининской эпохи. Главное в ней – ориентированность на государственный интерес, понятый как национальный, всеобщий, стремление действовать самостоятельно, на равных, а то и в качестве арбитра в спорах европейских держав. А в "Истории падения Польши" [3], вышедшей в свет в 1863 году, за год до того, как правительство Александра II подавило очередное национально-освободительное восстание в Польше, С.М.Соловьев излагает свою точку зрения на разделы Польши более подробно. В силу высокого авторитета С.М.Соловьева-историка тезис о национальном характере политики Екатерины в польском вопросе стал общепризнанным в работах отечественных историков как дооктябрьского, так и советского периодов.

Ситуация в современной отечественной историографии кардинально изменилась с наступлением перестройки. Одной из первых обстоятельных работ, за которой начался настоящий "екатерининский бум", стало исследование А.Б.Каменского "Под сению Екатерины..." [4], вышедшее в свет в 1992 году. Существенно, что "екатерининский бум" 90-х годов сопровождался двумя важными тенденциями, позволившими в сравнительно короткий срок качественно изменить положение дел в отечественной екатеринитике. Первая из них связана с появлением большого количества репринтных и переводных изданий [5]. Вторая – связана с широким введением в научный оборот ранее неизвест-

ных архивных документов. Публикации В.С.Лопатина, П.П.Черкасова, Б.В.Носова, О.И.Елисеевой [6] и целого ряда отечественных исследователей, базирующихся на материалах российских, польских, французских архивов, внесли серьезный вклад в историографию российско-польских отношений. Из последних работ по интересующей нас теме следует особо отметить книгу П.В.Стегния [7], которая представляет собой первое после классических трудов отечественных источников XIX века монографическое исследование разделов Польши и роли в них российской дипломатии. Разделы – исходная точка польского вопроса, остававшегося в центре европейской политики на протяжении полутора веков – рассматриваются в контексте формирования системы международных отношений в Центральной и Восточной Европе.

Судьба Польши в последние десятилетия XVIII века беспрецедентна в истории цивилизованной Европы. Не раз случалось, что в ходе войны победители отхватывают у побежденных противников часть территории, но нет примера полного исчезновения исторического государства в результате ряда последовательных расчленений. Причины столь печальной и исключительной судьбы можно понять, рассмотрев состояние Польши в тот период. Современники называли эту страну "царством анархии".

Вольтер, учитель и вдохновитель Екатерины, так резюмировал ситуацию: "Один поляк – сердце; два поляка – грызня; три поляка – а! Это уже польский вопрос!" В Польше всё оправдывало эту оценку. С 1569 года страна состоит из двух частей: Королевства Польского и Великого княжества Литовского с противоречивыми интересами и разногласиями по любому проекту реформы. Монархия была выборной. Сейм, избиравшийся раз в два года, оказался жертвой так называемого *liberum veto* (право запрета), удивительного принципа, позволявший каждому из членов сейма, даже если он один, выступать против любого проекта и решения. Другими словами, страна с населением почти в двенадцать миллионов человек и площадью большей, чем у Франции или Испании, не имела ни центральной власти, ни централизованной финансовой системы и должна была опираться на армию в какие-нибудь двенадцать тысяч человек, чтобы оказать сопротивление внутренним беспорядкам и внешнему давлению. Монарх не пользовался никакой властью. Сейм был парализован правом *liberum veto*. А что касается местных сеймов, которые на-

правляли туда делегатов, то они страдали из-за беспорядков с выборами. Хотя и относительная, но всё же независимость держалась лишь на соблюдении порядка соседними странами, каждая из которых следила, чтобы сосед не "наложил лапу" на эту страну. Петр III договорился с Фридрихом II, чтобы две их страны поддержали в Польше гибельную конституцию с *liberum veto*, с тем, чтобы несчастная страна не могла сделать ни малейшей попытки к самостоятельности, не говоря уж о независимости [8].

Договорились они также о том, что случится после смерти Августа II: ни один из его сыновей не должен занять его трон. Подобное предоставляло полную свободу выбрать слепо преданного кандидата. По этому поводу русская позиция шла вразрез с позицией Франции, что нарушало обещание императрицы Елизаветы, которая в своё время согласилась принимать во внимание пожелания, выраженные в Версале после смерти Августа I. Август II не спешил умирать, что лишь обострило противоречия между великими державами. В ожидании данного события Россия и Пруссия придумали другой способ вмешаться в польские дела: под предлогом защиты религиозных меньшинств. Страна в большинстве своем католическая, Польша насчитывала очень много жителей православного вероисповедания, их силой заставляли примкнуть к униатской церкви, которая под давлением Рима приняла восточный обряд, но не догматику. Конечно, и православные, и протестанты, также многочисленные в Польше, с 1718 года располагали политическими правами. Но со временем их статус и дискриминация, на которую они жаловались, становились всё тяжелее, и Екатерина стала помогать тем, кого с тех пор называют диссидентами. Фридрих II стал выступать против, но Екатерина, яростная сторонница православия, утверждавшая своё призвание защищать всех, кто разделял её веру и в Польше и на Балканах, проявила больше энергии и убедительности. Неважно, что ею руководил больше политический интерес, чем религия. Для великих держав в Польше всё было поводом к расширению их влияния.

На заре своего царствования Екатерина уже прибрала к рукам Курляндию, поскольку это герцогство, которое до 1737 года находилось под контролем Польши, попало под русское влияние с того дня, когда Бирон был возведен на трон герцога. В 1762 году герцогство оказалось без правителя. Анна Леопольдовна отправила Бирона в ссылку, Петр III предназначал корону Курляндии Георгу Голь-

штейнскому, а польский король Август II требовал передать её своему сыну. Екатерина положила конец этим распрям, вернув Бирона из ссылки. Таким образом, Курляндия вновь оказалась под русским влиянием. Восстановленный на троне Бирон стал первым правителем, "созданным" Екатериной. Оставалось прибавить к нему монархию в Польше.

Когда в начале 1763 года стало известно о тяжелой болезни Августа II, Екатерина решила взять инициативу в свои руки и собрала рабочую группу, чтобы подготовить будущее. Бестужев-Рюмин, ещё активно действовавший, предложил заключить соглашение с Францией и Англией о наследнике. Но он не знал об истинных намерениях императрицы. Екатерина не допускала мысли о возведении на престол принца из саксонского дома, сына Августа II. Не говоря о том, что споры вокруг этого наследования уже были весьма оживленными: в 1757 году, во время переговоров между Елизаветой, Людовиком XV и Марией-Терезией, стороны договорились поддержать старшего сына короля Августа II – Фридриха-Христиана; Франция предпочитала ему другого сына короля, принца Ксавье, любимого брата жены дофина; на горизонте появился третий кандидат – принц Карл, изгнанный Екатериной из Курляндии в интересах Бирона.

Осенью 1763 года, когда Август II был уже в агонии, граф З. Чернышев, вице-президент Военной коллегии, вручил императрице "польский проект". Главное его предложение – воспользоваться периодом поиска наследника в Польше, то есть междуцарствием, и "округлить" западные границы России, присоединив к ней губернии Витебскую, Полоцкую и Мстиславскую, расположенные на левом берегу Днепра [9]. И хотя этот план хранился в строгом секрете, слухи о нем распространились в некоторых столицах. Фридрих II не скрывал намерения поддержать планы Екатерины при условии, что и ему что-либо достанется. В октябре 1763 года Екатерина решила договориться с Марией-Терезией Австрийской [10]. Она предложила ей согласовать кандидата на трон, добавив между прочим, что для сохранения мира на русско-польских границах направляет туда войска.

Договориться с Фридрихом II по польскому вопросу было для Екатерины делом нелегким. Среди тех, кого пугал или шокировал такой выбор, был Г. Орлов, которого поддерживали его братья. Его противостояние "прогерманскому повороту" в русской политике частично можно объяснить глухим соперничеством между титулованным фаворитом и Н. Паниным, всегда старавшимся отстранить его от

дел. Победил Панин. Когда 5 октября 1763 года Август II скончался, Екатерина сделала свой выбор. Она не собиралась соглашаться со взглядами Елизаветы и не желала поддерживать ни кандидатуру Фридриха-Христиана, ни кандидатуру Ксавье, которого считала приспешником Людовика XV, ни кандидатуру Карла, выдворенного её заботами из Курляндии, а потому не любившего её, что она отлично знала. Вот уже несколько месяцев она вынашивала идею, выдвинутую её покойным мужем: Россия поддержит в Польше кандидатуру какого-нибудь знатного польского дворянина [11], который, будучи обязанным ей своим тронem, проявит преданность. Ей нравились два кандидата: граф Станислав-Август Понятовский и князь Адам Чарторыйский. В самой Польше дворяне, которым предстояло выбирать короля, разделились на "русскую партию", которой руководил Чарторыйский, и "антирусскую партию", сгруппировавшуюся вокруг принца Саксонского. Впрочем, ситуация вокруг конкурентов упростилась, когда Фридрих-Христиан умер в декабре 1763 года, ненадолго пережив покойного короля, а Екатерина, поиграв некоторое время именем Чарторыйского, отстранила его в пользу С. Понятовского.

Возможно, что кандидатура Чарторыйского была выдвинута лишь для того, чтобы не напоминать о связи, существовавшей некогда между императрицей и Понятовским. Тем более, что Чарторыйские были влиятельны в Польше: выбор одного из них мог привести к появлению настоящей воли к власти, тогда как С. Понятовский не имел ни своей сильной позиции, ни поддержки извне. Екатерина, зная характер бывшего фаворита, считала его слабым, а значит, зависящим от неё. В 1763 году, когда ещё был жив Август II, граф Кайзерлинг, посол России в Польше, получил следующие инструкции: "Необходимо принять все меры, чтобы в случае кончины короля польского (С.К.К.П.) тот, кто будет возведен на польский трон, не пренебрегал нашими интересами и старался бы как можно лучше их представлять" [12].

Кто лучше Понятовского мог соответствовать этим инструкциям? В свои расчеты императрица включила также то, что Людовик XV не сможет военной силой вмешаться в польское наследство. Панин доставил множество сведений о военном и финансовом положении Франции, истощенной войной [13]. Она сможет поддержать своего кандидата, заверял он, лишь всякими махинациями, деньгами в пользу профранцузской партии и речью в поддержку этого кандидата.

Во время подготовки к выборам, назначенным на сентябрь 1764 года, ажиотаж между Петербургом и Версалем усилился. Желание помешать русскому проекту усиливалось опасением последующего расчленения Польши. Русско-германское соглашение о едином кандидате ставило перед собой такую же цель. Екатерина, чувствовала себя свободной действовать по своему усмотрению. Однако решила успокоить Людовика XV, передав через своего министра, что она будет гарантом сохранения польской неприкосновенности. Никто ей не поверил. Будучи уверенной, что Франция не рискнет пойти на конфронтацию, Екатерина все же приняла меры предосторожности в атмосфере возбуждения, окружавшей подготовку к голосованию: приказала ввести в Польшу новые русские войска под предлогом обеспечения покоя во время выборов. Выдвинула Екатерина также религиозные проблемы, потребовав для православных гражданских прав, которых у них не имелось или которых не стало. И ещё императрица выступила адвокатом некоторых реформ, конечно, ограниченных, но всё же в интересах своего кандидата: прежде всего – отмены *liberum veto*.

Ещё до выборов проявилось потворство будущему королю со стороны его покровителей – Екатерины II и Н.И.Панина. Выборы в сейме состоялись 6 сентября 1764 года в обстановке внешней законности и спокойствия. Короля избрали единогласно. Русские войска вывели из столицы; противники русского тезиса, арестованные или не допущенные на сейм, были вынуждены молчать. Не только Екатерина выиграла, но и голосование выглядело вполне прилично. По существу, оно очень походило на большую часть прежних голосований. Станислав Лещинский получил трон благодаря Карлу XII; Петр I сначала дал, а потом вторично вернул трон Августу I; Август II стал королем только по воле императрицы Анны. Очевидно, что Екатерина сумела навязать свой выбор более тонким способом, чем её предшественники. В этой связи нельзя не упомянуть о собственноручной записке императрицы, адресованной Н.И.Панину: "Поздравляю Вас с королем, которого вы делали. Это ещё больше укрепило мое к Вам доверие, и я вижу, сколь мудры были принятые Вами меры" [14].

Но вскоре после победы Екатерина поняла, что Станислав-Август Понятовский, которого она полагала покорным её власти, вовсе не был таким слабым, как она думала. Он хотел править, вернуть стране её достоинство, а следовательно, провести

реформы. Перед Екатериной возникла неожиданная проблема. Ей пришлось искать средства давления на того, кого посадила на трон и кто пытался восстать. Нужное оружие ей предоставили "диссиденты": она во всеуслышание заявила, что объявляет себя гарантом их судьбы. Кстати, первый шаг в этом направлении императрица сделала во время заседания сейма при коронации 23 ноября 1764 года: её посол в Польше, князь Н.В.Репнин (племянник Н.И.Панина) от имени монархов России и Пруссии потребовал от сейма, чтобы православные и протестанты могли наравне с католиками становиться депутатами, высшими должностными лицами, управляющими провинций.

Екатерина ждала лишь повода, чтобы вмешаться в спор. И вот, в 1765 году его высокопреосвященство Конисский, епископ Белорусский, представил новому королю докладную записку о проблемах религиозных меньшинств в Польше. В этом обвинительном документе епископ перечислял дискриминационные и репрессивные меры, жертвами которых оказались его православные прихожане: двести храмов, отнятых у церкви и переданных униатам; запрещение реставрировать или восстанавливать разрушенные храмы; физическое преследование православных священников вплоть до их убийства.

Императрица тотчас заступилась за православную веру, но сделала это, ссылаясь на религиозную терпимость, ибо никогда не забывала, что она – сторонница Просвещения. Конфликт обрушился на Польшу и донесся до Рима. В Слуцке собралась конфедерация сторонников "диссидентов", поддержанная Россией, а скоро и русскими войсками. Католики поступили так же в Радоме, а епископ Кракова, настоящий вожак католической партии, мобилизовал антирусскую партию. В 1766 году собрался сейм, и посол России князь Репнин зачитал декларацию Екатерины II о поддержке "диссидентов", одобренную королями Англии, Пруссии, Швеции и Дании. Разве не справедливое дело защищала сторонница Просвещения? С.Понятовский оказался в ловушке. Екатерина не забыла напомнить ему о его долге перед ней и потребовала поддержки. Король Польши отлично понимал зависимость от императрицы и сохранил к ней наилучшие чувства, несмотря на отсылку из России и оказанное на него давление. Об этом свидетельствуют его воспоминания: "В 1763 – 1764 годах я дважды писал императрице: не делайте меня королем, лучше верните меня к себе. Эти слова мне подсказали следующие две причины. Во-первых, чув-

ство, которое я ещё хранил в своем сердце. Вторых – моё убеждение, что я смогу больше сделать для пользы моей родины как частное лицо при ней, чем как король здесь" [15].

Другая причина двойственности позиции Понятовского связана с его характером: он был глубоко веротерпимым человеком, готовым лететь на помощь угнетенным меньшинствам, то есть признать правоту Екатерины. Но он являлся королем Польши, а епископ Краковский призывал его на помощь католической религии. Как всегда в таких случаях, положительные усилия примирить оба лагеря, призывая их к рассудку, возбудили и тех и других, а особенно рассердили Екатерину, недовольную бывшим фаворитом. Опять возле польских границ сосредоточили русские войска. В 1767 году собрался сейм в наихудших условиях: внутри страны климат, близкий к гражданской войне, да ещё угроза вмешательства иностранных войск. И, наконец, послание папы Климента XIII и неоднократные непримиримые выступления папского посла, призывавшего польских католиков к сопротивлению и к отказу от уступок.

Русский посол в Польше Н.В.Репнин, вмешавшись в конфликт, положил конец ситуации, которая казалась безвыходной. Он приказал убрать епископов Краковского и Киевского, возглавлявших католическую партию, и отправил их в Сибирь, а с ними ещё двух членов сейма. Бессильный король выразил сожаление. По всей стране стали раздаваться протесты, но сила была на стороне русских. Сейм согласился со всеми требованиями. Было решено, что католическая религия будет государственной и королевской, а "диссиденты" будут восстановлены во всех правах, дворяне-"диссиденты" будут пользоваться теми же правами, что и дворяне-католики, только королевской короны им не видать. На следующий год, 13 февраля 1768 года, был подписан договор между Польшей и Россией, гласивший, что никакие конституционные изменения без согласия России вноситься не будут. Таким образом, Россия становилась официальным гарантом польских учреждений и будущего страны. Польша занимала место в "северной системе" Панина, как он и представлял себе с самого начала.

Но эта победа русской дипломатии, которую никто в Европе не решался открыто осуждать, в конечном счете, оказалась пирровой. Она вызвала возмущение поляков и сопротивление конфедераций. Такая особенность польской системы проявлялась каждый раз, когда сейм был не в состоянии действовать (что случалось очень часто), а особен-

но, и главным образом, в 1768 году. Тогда появились конфедерации, объединившие всех, кто разделял единое мнение. В отличие от сейма, конфедерации не были парализованы *liberum veto* и пытались силой изъять волю. Это и произошло в 1768 году, когда конфедерация города Бар собрала фанатично настроенных католиков и поляков, недовольных королем, которого считавшегося слишком вялым. Все они решительно настроились отделаться от него. Не случайно центром этого движения был город Бар в Подолии, недалеко от границы с Турцией. Конфедераты, понимая слабость по сравнению с русскими войсками, рассчитывали на поддержку Франции и Турции. Австрия, на помощь которой они рассчитывали какое-то время, предпочла держаться в стороне: Мария-Терезия хотела иметь хорошие отношения с Россией, международная мощь которой постоянно росла, и сохранить австрийские интересы в Польше на ближайшее будущее.

Программа конфедерации в Баре – сохранение исключительных привилегий для католиков и *liberum veto* – ставила в трудное положение собеседников, которых она призывала к себе на помощь. Следовало ли было поддерживать фанатиков, противников всяких изменений? Вольтер выступил на стороне короля, которому угрожала конфедерация и который высказывался за реформы. Но Людовик XV и его министр иностранных дел решили иначе. Для них главным было ослабить Россию. Конечно, Франция не имела возможности прийти на помощь конфедератам – Семилетняя война потребовала слишком больших средств, и эти расходы ещё давали о себе знать. Но французский король придумал – старая французская стратегия! – натравить Турцию на Россию: разве конфедерация не располагалась на османских границах, что позволяло туркам считать себя вовлеченными в польский вопрос?

На протяжении двух лет французская дипломатия стояла перед двойной задачей: подталкивать Турцию к войне против России [16], а пока – помогать конфедератам ослаблять короля Польши, а то и вовсе отделаться от него, чтобы лишить Россию такого монарха, который, несмотря на слабые попытки проявить независимость, оставался заложником Петербурга и, следовательно, важным фактором русской мощи. В Версале подумывали даже о мерах по замене короля: послать туда принца Конде, который не хотел ехать, или эрцгерцога Саксонского, которого поддерживали раньше. Ещё надо было освободить трон, что само не делается.

Конфедератов поддерживали деньгами, и на помощь им послали Дюмурье с несколькими другими французскими офицерами. В "Воспоминаниях" он описывает конфедератов – всего 17 тысяч солдат, и те разделились на соперничающие группы, – анархию, совершенно подобную той, которая была характерна для польской политики [17]. Поистине, страну разрушала гражданская война. Послание Панина передает отчаяние русских перед неспособностью короля занять ясную позицию в отношении "диссидентов", конфедерации и должной верности России. Все предсказывало реакцию [18].

Вмешательство А.В.Суворова в 1770 году сломило сопротивление конфедерации и положило конец внутренним дрязгам, столь ослабившим страну. Но внимание Екатерины было уже отвлечено от Польши: начиналась Русско-турецкая война. Впрочем, через два года польская проблема перед Екатериной возникнет вновь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII – XV. – М.: 1966.
2. Соловьев С.М. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795 // Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. XV. Т. 29. – М.: 1995. – С. 156–260.

3. Соловьев С.М. Избранные произведения. Т. II. Ростов-на-Дону, 1997. – С. 197–522.
4. Каменский А.Б. "Под сенью Екатерины...": Вторая половина XVIII века. – СПб.: 1992.
5. Брикнер А.Г. История Екатерины II. – СПб.: 1991; Валиевский К. Роман императрицы. – М.: 1990; Вокруг трона. – М.: 1990; Записки императрицы Екатерины II. – М.: 1989 (репринг издания А.С.Суворина 1907 г.); Записки Е.Р.Дашковой. – М.: 1991; Понятовский С. Мемуары. В 2 т. – М.: 1997; Трухля А. Екатерина Великая. – М.: 1997; Эрикссон К. Екатерина Великая. – М.: 1999.
6. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769 – 1791 // Сост. В.С.Лопатин. – М.: 2002; Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. – М.: 2001; Елисеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А.Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. – М.: 1997; Носов Б.В. Представления о Польше в правящих кругах России в 60-е годы XVIII века, накануне первого раздела Речи Посполитой // Поляки и русские в глазах друг друга. – М.: 2000; Русская политика в диссидентском вопросе в Польше. 1762 – 1766 гг. // Польша и Европа в XVIII веке. – М.: 1999.
7. Стецкий П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. – М.: 2002.
8. Черкасов П.П. Двуглавый орёл и Королевские лилии. – М.: 1995. – С. 307.
9. Сборник императорского русского исторического общества. – СПб.: 1878. Т. 51. – С. 507.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 4. Д. 121. Л. 3.
11. Польский дворянин – пяст. – См.: Каррер Д., Анкокс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России / Пер. с фр. – М.: 2006. – С. 93.
12. Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. "Секретные мнения коллегии иностранных дел". 1765 – 1795. Д. 597. Л. 159 об.
13. АВПРИ. Ф. 93/6. 1768. Д. 240. Л. 137.
14. Письма и записки императрицы Екатерины II к графу Никите Ивановичу Панину. – М.: 1863. – С. 98.
15. Воспоминания Станислава-Августа Понятовского. – СПб.: 1914. Т.1. – С. 497, 505.
16. АВПРИ. Ф. 93/6. 1763. Д. 172. Л. 48.
17. Каррер Д., Анкокс Э. Указ. соч. – С. 98.
18. "О конфедерации". Рукописное примечание Панина // АВПРИ. Ф. 892 – 5/1. Л. 8.

THE POLISH QUESTION IN THE POLICY OF CATHERINE THE GREAT AT THE BEGINNING OF HER REIGN

© 2008 M. Y. Lupanova

Ryazan State University named after S. Yesenin

The paper analyzes the attitude of Catherine the Great, who ascended the throne in 1762, to the Polish problem, which worried the Russian diplomacy during the century, and the first foreign policy actions of the young empress in Poland.